

Теперь все это делают печатные машины. «Раньше от партии к партии цвет гулял,— колорист Ольга Пырскова, которая трудится на предприятии с 1979 года, тоже не нарадуется современному оборудованию.— Мы ковшиками в бочки вливали краску, размешивали веслами. Тут недолил, там перелил! А сейчас нажимаешь кнопки — и машина сама капает краски сколько надо, до грамма. Поэтому в современных платках больше цветных оттенков, модных сближенных тонов».

Отпечатанная ткань должна пройти процесс «зреления» в специальной камере, наполненной горячим паром, так краска лучше проникает в волокна. После этого платочные ленты снова промывают и сушат на специальной машине. И только потом их разрезают на отдельные платки, отутюживают, а самые большие шерстяные шали вручную украшают бахромой.

Шали с шелковой бахромой считают самыми дорогими — от 4 тысяч. Их востро покупают на выставках — мало какая женщина способна удержаться, когда посадскую шаль разворачивают перед ней «во весь размах».

Шали любят в Туркменистане и Таджикистане, где «русский платок» считается необходимым элементом приданого невесты. Иран и Афганистан предпочитают орнамент, Узбекистану подавай цветы. «Раньше Украина тоже хорошо покупала,— вспоминает Евгений Обухов.— Особенно восточная, близкая к нам по менталитету. Но в последние годы сильно просела у них покупательная способность, почти до нуля». А вот в России любовь к платкам растет, правда, предпочтение цветовой гаммы зависит от региона: на юге нашей страны любят все яркое, сочное, а на севере выбирают более темные оттенки.

Даже скандинавы в последнее время увеличивают число заказов. «У них ведь не производят шерстяные платки с набивным цветочным рисунком,— поясняет Евгений.— Да что там! Нигде в мире не производят. Цветные платки уважают итальянцы, французы — но шелковые! Шерстяные платки носят в северных странах, и арабы их любят, но у них же они однотонные, блеклые какие-то. А чтобы и тепло, и в розах — такое только в России!»

Хотя какие уж диковинные розы в Павловском Посаде, где не самый подходящий для цветоводства климат? Розы здесь можно увидеть разве что — спасибо платку! — на гербе города да на фабричных

эскизах. Но уж на рисунках художники всегда старались сделать фирменные розы и георгины объемными, выпуклыми, без всяких там 3D — такой цветок «в руку охота взять».

«Чтоб паровоз остановился»

«Платок должен быть таким, чтоб паровоз остановился!» Так когда-то описывала павловопосадский эталон Злата Ольшевская, которая в 1959 году со своими работами завоевала Большую золотую медаль на Всемирной выставке в Брюсселе. Художница, наверное, наиболее точно выразила мечту всех простых русских женщин. Никогда особо хорошо они не одевались — ну что там у них было? Женский зипун, душегрейка, жилетка? У тех, кто победнее, — засаленный полушубок, тулуп, ватник. Но если наступал праздник, из сундука доставался волшебный, яркий платок, подарок родителей или мужа.

Когда-то многоцветные шали и платки с ткаными узорами были доступны только богатым купчихам или дворянкам, но благодаря новой технологии набивного рисунка такие изделия стали стоить значительно дешевле и получили широкое распространение. У самой бедной девушки хоть один платочек на воскресенье, с цветочками и кистями, но был. Он покрывал все заплатки, всю серость одежды, лиц, скудное хозяйство, всю тяжелую женскую судьбу покрывал... Как Есенин писал о Руси: «Не твоя ли шаль с каймою зеленеет на ветру».

Павловопосадские платки — это, конечно, не только цветы и зелень листьев. Изначально местные мастера действительно пытались создавать восточные шали с элементами в виде «боба», «огурца», «опахала», с кашмирскими узорами — эти орнаменты, сильно переработанные, переосмысленные по-своему, уже считаются отечественной классикой. Лабзинские шали из-за удобства набивки стали квадратными в отличие от прямоугольных восточных. А главное — наши изделия почти сразу отличались насыщенными, но очень чистыми и нежными тонами, да и узором наши художники заполняли всю поверхность ткани щедро и разнообразно. Именно это и создавало, как теперь отмечают эксперты, «мажорное настроение, отвечающее русскому народному вкусу». Такой уж у нас вкус — никакого минора. По крайней мере, когда дело касается платка...

Сотрудники фабрики шутят, что все они — около шестисот человек, обслуживают восемь художников. Художники — главные. И каждые два месяца они должны сдавать на утверждение по одному эскизу. Откуда берут идеи? Да из жизни! Вот, например, когда-то здесь работала Екатерина Регунова, свой эскиз она назвала в честь новорожденной внучки. Теперь Майе Регуновой за сорок, она много лет отработала в отделе сбыта, а «многоцветная шаль 148x148 см из уплотненной шерстяной ткани с шелковой бахромой „Майя“» до сих популярна у покупателей.

Елена Литвинова сине-голубую шаль «Сибирская красавица» создала в честь родины своей мамы. А другая работа — «Город роз» — это Донецк, где она родилась: «Во времена СССР там по девять роз приходилось на каждого жителя! На клумбах, во всех палисадниках — белые, розовые, красные с переходом в оранжевые... В память моего папы будет платок. Он умер там в 2013 году, еще до войны».

Наталья Белокур себя в творчестве не сдерживает: «Я на Дону родилась, где небо синее, заборы — ярко-зеленые, арбузы и раки — красные. Неужто я буду писать что-то нежненькое, дожди и туманы?»

В этой мастерской создан и платок «Лабзинский» — в честь того самого основателя фабрики. В нем есть все: и розы, и

огурцы, и орнамент из стилизованных растительных элементов. Иван Лабзин обомлел бы, если б увидел такую красоту: поначалу на фабрике использовали всего несколько цветов, больше при набивке деревянными резными формами нанести не получалось, теперь же благодаря современным технологиям в одном платке может быть хоть двадцать оттенков, лишь бы сочетались.

Платочная мода тоже меняется: в середине XX века были популярны белые платочки с цветами, а сейчас их покупают значительно реже. В 1970-е требовали розу «в два раза больше натуральной», теперь же предпочитают более реалистичные варианты. «Современным женщинам нравится сближенная цветовая гамма,— говорит главный художник.— Без контраста». И все же есть изделия, которые нравятся всем и всегда. Эксперты называют их «в крестьянском вкусе». А вкус этот воистину может не меняться столетиями, и наряды переходят от матери к дочери. До сих пор активно заказывают и ярко-красную знаменитую «Подкову» с рисунком 1890-х годов, и «Молитву», воссозданную по эскизу начала XX века, и многоцветные «Белые розы» с шелковой бахромой как были популярны почти весь прошлый век, так до сих пор не увядают.

«Непреходящая красота, созданная гением народа» — так в книгах пишут искусствоведы о павловопосадских платках. И в общем-то они правы. Производство наладила одна крестьянская династия, основы рисунка заложила другая династия местных крестьян-рисовальщиков. Поэтому-то «по своему художественно-образному решению изделия соответствовали народному пониманию красоты». А чему еще они должны были соответствовать? Рисовальщики изображали то, что им самим нравилось: красные — значит красивые — розы, ветки малины, цветущую яблоню, хмель с длинными стеблями, анютины глазки, букеты и гирлянды всех цветов полевых. Фабриканты размещали все это на широком, как родные просторы, полотне. А бахромщицы оплетали эту благодать медовыми сотами. Вот и получался русский рай. Вечное счастье на плечах женщины.

(«Огонек», № 4 от 03.02.2020)

ДМИТРИЙ ПЕЗДЕВ

«ПЛАТОК ДОЛЖЕН БЫТЬ ТАКИМ, чтоб паровоз остановился!» Так когда-то описывала павловопосадский эталон Злата Ольшевская, которая в 1959 году со своими работами завоевала Большую золотую медаль на Всемирной выставке в Брюсселе